

Внешняя политика Китая в «ближнем круге». Модель 2010

Сергей Лузянин

Пояс сопредельных КНР стран состоит из 14 государств. В систему близких регионов и субрегионов входят:

– Северо-Восточная Азия (СВА) – Япония, КНДР, РК, Монголия, сам Китай, условно к ней можно отнести российскую часть Сибири и Дальнего Востока;

– Юго-Восточная Азия (ЮВА) – Индонезия, Филиппины, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Камбоджа, Мьянма, Лаос, Бруней;

– Центральная Азия (ЦА) – Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан;

– Южная Азия (ЮА) – Индия, Пакистан, Непал, Бутан, Шри Ланка.

Существует еще географически близкий регион Среднего Востока с Ираном, Афганистаном, Пакистаном и другими государствами.

В рамках дискуссии о приоритетных зонах ответственности Китая и о том, чем же является он сегодня – «важной региональной державой АТР», «большим развивающимся государством» или «сверхдержавой», идущей среди ведущих экспертов России и Китая¹, просматривается тезис о некотором сближении и даже в отдельных случаях синтезе региональных и глобальных приоритетов Китая. В этом синтезе, несомненно, имеется объективное противоречие, но, исходя из диалектического посыла, можно говорить о том, что на базе этого синтеза в китайской внешней политике происходит становление нового качества регионализма, которое частично распространяется и на глобальные проекты КНР.

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС, профессор МГИМО(У) МИД России, президент Фонда поддержки востоковедческих исследований. E-mail: Lousianin@ifes-ras.ru

Ключевые слова: внешняя политика КНР, регионы, Северо-Восточная Азия, Россия, АСЕАН, Япония, экономическая интеграция, безопасность, Индия, Пакистан.

Утвердившийся в западной политологии подход о том, что выдвижение нового, сильного игрока в регионе автоматически обостряет региональную безопасность, меняя баланс сил, рисует для Китая не очень радужные перспективы. В рамках данной теории КНР обречена на столкновение с Японией и Южной Кореей в СВА, с США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), с Индией в Южной Азии и т.д.

Однако подобная западная методика в китайском варианте представляется несколько искусственной и, на наш взгляд, механически проецирует модели конфликтности на восточноазиатскую региональную почву.

В случае с Китаем, скорее всего, может сработать мягкая адаптационная модель, в рамках именуемой сегодня в КНР известной *теории создания «гармоничного мира»*. В условиях трансформации Китая в «ответственную великую державу», КНР будет выгодно выстраивать варианты ненасильственного восхождения нации при сохранении стабильности регионального пространства. Специфика китайской региональной (как и глобальной) политики, как известно, – неразрывность внешней и внутренней политики, подчиненности первой целям национального развития³.

Анализируя итоги последних **китайско-японских** переговоров, включая визиты в Японию Председателя КНР Ху Цзиньтао (май 2008 г.)^{*} и заместителя Председателя КНР Си Цзиньпина (декабрь 2009 г.), следует обратить внима-

ние на некоторые новые аспекты китайской политики в отношении Японии.

Китайское руководство, положительно оценивает косвенные сигналы нового премьер-министра Юкио Хатоямы, указывающие на желание японского руководства проводить более равноудаленную политику от США и снижение политической зависимости от Вашингтона. Не исключено, что китайское руководство рассматривает эти новые моменты как своеобразный дополнительный шанс для дальнейшего улучшения китайско-японских отношений как в региональном, так и в более широком, глобальном аспектах.

Если такая «перезагрузка» в ближайшие годы состоится, то она будет означать не только ослабление японо-американского альянса, но и переход китайско-японских отношений в новое региональное качество. Они вполне могут стать (и отчасти уже становятся) ведущими и системообразующими (особенно в интеграционно-экономических сферах) в Восточной Азии, а в перспективе и в АТР. В этой связи, суммируя различные дискуссии и высказывания китайских специалистов по Японии^{**}, следует обратить внимание на следующие проблемы.

В 2010 г. приоритетной целью двух стран становится достижение формата «стратегических и взаимовыгодных интересов». В данной формулировке еще делается акцент не на дружественные чувства, а на прагматичные и равноправные интересы. Очевидно, что эта формула является сегодня переходной

* По итогам официального визита Председателя КНР в мае 2008 г. было принято Китайско-японское совместное заявление о всестороннем развитии стратегических и взаимовыгодных отношений.

** Проблемами китайско-японских отношений серьезно занимаются в Институте исследований Японии АОН КНР такие специалисты, как Гао Хун, Чжан Цифэн, Ван Вэй, Цуй Синьгуан, Люй Яодуй и другие.

для стратегического сотрудничества КНР и Японии, к которому пока стороны не готовы.

7 февраля 2010 г. в Пекине на первом заседании Китайско-японского комитета дружбы в XXI в. 5-го созыва председатель китайской части комитета, бывший член Госсовета КНР Тан Цзясюань внес три предложения по развитию двусторонних отношений: «во-первых, серьезно возвращать стратегическое взаимодоверие; во-вторых, всемерно стимулировать вывод на более высокий виток торгово-экономических связей; в-третьих, непрерывно расширять людские обмены, всемерно улучшать чувства между народами»³.

Китай хотел бы интенсифицировать процесс разрешения противоречий, сохраняющихся между странами. Проблема демаркации границы в Восточно-Китайском море и территориальный спор вокруг островов Дяюйдао, по мнению китайских экспертов, должны быть решены в одном блоке и ближайшее время.

Возможно, что в случае положительного разрешения территориальных вопросов, КНР будет готова на ряд небольших уступок по другим вопросам – поддержки Японии в структурах ООН*, предоставления экономических преференций и пр. Конфликты же, связанные с историей китайско-японских отношений, также могут быть разрешены или сглажены при культурно-гуманитарном сотрудничестве.

9 января 2010 г. в Токио состоялся 9-й раунд японо-китайского стратегического диалога, который не устранил существующие разногласия двух стран в отношении разработки месторождений газа в спорных зонах в Восточно-Китайском море. Стороны подтверди-

ли готовность двух стран «тесно сотрудничать в сфере экономики в период глобального финансового кризиса». Достигнута договоренность об «углублении взаимодействия в области производственной безопасности»⁴.

КНР предлагает Японии усилить регионально-экономическую интеграцию в Восточной Азии в построении *Восточно-азиатского сообщества*.

В условиях мирового кризиса эта идея особенно актуально для обеих сторон. Причем и Пекин, и Токио согласны с тем, что в обоюдных интересах плавно уменьшать зависимость финансовых рынков Восточной Азии от рынков США. Стороны готовы объединить свои усилия для заключения соглашения о свободной торговле и экономическом партнерстве для координации формирования пространства свободной торговли Восточно-азиатского сообщества.

Двусторонние объемы торговли за 2007 г. оценивались в 236 млрд. долл., а за 2008 г. – 266,8.

Объем японских инвестиций в Китай на конец 2008 г. составил 64,6 млрд. долл.⁵.

В вопросах региональной безопасности китайские представители пытаются убедить японский политический класс в том, что усиление комплексной мощи КНР – объективный процесс, который не является для Японии угрозой, а скорее возможностью для ее развития. Тем не менее, формат отношений двух стран, касающийся традиционной и нетрадиционной сфер безопасности, сохраняется в рамках формулы «не дружба и не противники».

КНР, как известно, поддерживает идею создания коллективных структур и механизмов региональной безопасно-

* Вряд ли Китай готов лоббировать Японию по вопросу о ее членстве в Совете Безопасности ООН, ограничивая свою поддержку готовностью вести диалог с Токио по вопросам реформирования ООН.

сти с участием Японии и других крупных региональных игроков. Вместе с тем, в Китае понимают, что их создание не может происходить без учета американского фактора и сохраняющего силу и статус японо-американского военно-политического альянса. В этой связи, логичным выглядит идея, прорабатываемая на экспертном уровне в западных и ряде азиатских стран, о возможности формирования стратегического диалога «КНР – США – Япония».

Специфика китайско-южнокорейских отношений на 2010 г. и последующие годы связана с тем, что, кроме собственно двустороннего формата (торговля, инвестиции, культурные обмены), они находятся под возрастающим влиянием сразу нескольких разнородных внешних факторов.

Во-первых, северокорейской проблемы и процесса шестистороннего урегулирования на Корейском полуострове, который в 2009 г. зашел в очередную тупик. При чем китайская сторона в своих контактах с представителями Республики Корея (РК) всегда подчеркивает «гибкость и конструктивность позиции КНДР» по вопросам возобновления шестисторонних переговоров, выступая политическим адвокатом Пхеньяна⁶.

Южно-корейское руководство, адекватно оценивая формальные и неформальные возможности Китая в плане его воздействия на КНДР, как правило, соглашается с подобной ролью.

Во-вторых, реалий и перспектив развития трехстороннего интеграционного проекта КНР – РК – Япония и выход его на создание китайско-японо-южнокорейской зоны свободной торговли (ЗСТ). Очевидно, что данный проект со временем может стать серьезным конкурентом ЗСТ КНР –

АСЕАН, учитывая экономические и технологические ресурсы и возможности сторон.

Справочно

В рамках треугольника «КНР – Япония – Южная Корея» 10 октября 2009 г. в Пекине состоялась вторая встреча руководителей этих государств, были приняты «Совместная декларация десятой годовщины сотрудничества Китая, Японии и РК» и «Совместная декларация Китая, Японии и Южной Кореи по устойчивому развитию», а также достигнуто соглашение по 10 инициативам в области сотрудничества, подведены итоги трехстороннего сотрудничества за последние десять лет⁷.

В-третьих, американского фактора влияния на Южную Корею. США остаются одним из ключевых военно-стратегических союзников РК. Это обстоятельство является неким политическим ограничителем для углубления китайско-южнокорейского сотрудничества. Задача Сеула в этих условиях – мягко и безболезненно адаптировать американский фактор к новому, более масштабному китайско-южнокорейскому формату сотрудничества. Насколько это удастся – покажет время. Но уже сегодня понятно, что Сеул ближе к Пекину и дальше от Вашингтона, чем он был 3–5 лет назад.

Если рассматривать китайско-северокорейские отношения, то, с одной стороны, развиваются в рамках, сохранившихся (де-юре и де-факто) союзнических отношений, чрезвычайно важных для КНДР со всех точек зрения. Китай всегда выступал и продолжает выступать в роли мощного политического и экономического ресурса Пхеньяна, а с другой – невосприимчивость северокорейского руководства к

китайским попыткам вовлечения Северной Кореи в реформирование экономики на принципах открытости, использования рыночных механизмов и китайского опыта, усиливающийся социально-экономический кризис и стагнация народного хозяйства КНДР, заставляют КНР более сдержанно подходить к вопросам безоговорочной поддержки Северной Кореи, применяя методы воздействия.

Так, летом 2003 г. КНР приостановила нефтяные поставки в КНДР, давая понять, что поддержка Пхеньяна Китаем не безусловна.

Подобные методы не означают, что Китай становится на позицию США в американо-северокорейском споре. Пекин систематически воздействует на Пхеньян в рамках двусторонних (закрытых) межпартийных и межправительственных контактов, побуждая Северную Корею к разумной гибкости.

Одновременно Китай продолжает рассматривать КНДР как ключевое звено своей безопасности в Северо-Восточной Азии с сохранением Северной Кореи в качестве самостоятельного государства. При чем данная позиция вряд ли изменится, даже если КНДР обретет «полноценный ядерный статус». Проблема для Пекина будет заключаться лишь в сохранении своего влияния на Пхеньян⁸.

Несмотря на относительно невысокий по сравнению с другими крупными партнерами Китая (США, Японией, ЕС) уровень торгово-экономических связей, **российско-китайский формат** чрезвычайно важен для КНР. Развитие стратегического диалога с Россией для Китая означает, что он имеет в ее лице, являющейся постоянным членом Совета Безопасности ООН и других крупных организаций, надежного партнера, который обеспечивает

стабильность и «северный тыл» на границе в 4,1 тыс. км.

Одновременно Россия – источник энергоносителей (нефть и газ) для Поднебесной.

И хотя сегодня доля российской нефти в китайском импорте пока невысока – 5-е место после стран Персидского залива, Африки и Латинской Америки, потенциально, с учетом открывшегося в декабре 2009 г. нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) и других проектов, энергетическое значение России для Китая будет повышаться.

Российские Сибирь и Дальний Восток – привлекательные районы для китайских инвестиций и трудовой миграции, что совпадает с планами Москвы по подъему этих территорий. Для Пекина, исходя из территориальной близости, достаточно выгодно одновременно развивать собственные провинции северо-востока (Дунбэй) и инвестировать в российские дальневосточно-сибирские регионы.

В российской экспертно-аналитической литературе проблема приграничных региональных связей России и Китая разработана достаточно подробно как учеными из Москвы, так и сибирско-дальневосточными исследователями⁹. Вес и значение региональных связей в общем российско-китайском партнерстве в течение 1991–2008 гг. менялись как в экономическом, так и политическом плане.

В начальный период президентства В.Путина на экспертном и политическом уровнях была четко сформулирована комплексная задача интеграции Сибири и российского Дальнего Востока в азиатскую экономическую систему. Другой момент, связанный с проблемой экономического возрождения Сибири и Дальнего Востока, – качественный и количественный рост федеральной целевой помощи и инвестиций

на развитие сибирских и дальневосточных регионов за счет дополнительных внутренних средств, появившихся в стране за последние годы.

С поправкой на борьбу с кризисом в 2010 г. правительство приступило к комплексной реализации программы развития Сибири и Дальнего Востока, а также планируемого в 2012 г. саммита АТЭС под Владивостоком. Объем целевых федеральных средств был значительно увеличен. Большая часть денег выделена на создание инфраструктуры и развитие промышленных производств в Приморье, других дальневосточных и сибирских субъектах.

Основными факторами, определяющими позицию Китая в отношении развития регионального торгово-экономического сотрудничества с Россией, на начало 2010 г. остаются:

– *во-первых*, заинтересованность в получении доступа к источникам сырья, в частности нефти и газа, а также руд черных и цветных металлов, биоресурсов моря, древесины и иных ресурсов;

– *во-вторых*, стремление обеспечить присутствие китайских товаров в значимых сегментах российского рынка (продукция легкой, текстильной, пищевой промышленности, бытовая электротехника, а также отдельные виды машин и оборудования);

– *в-третьих*, создание с Россией трансграничных зон свободной торговли по уже апробированным моделям с другими соседями.

Развитие китайско-монгольских экономических связей мотивируются поступающей в КНР информацией о новых стратегических месторождениях медного концентрата, угля, серебра, золота, урана Таван – Толгой и Оую – Толгой, находящихся в южной части Монголии недалеко от границы с ав-

тономным районом Внутренней Монголии (АРВМ) КНР. Одновременно, КНР пытается создать совместно с Россией трансграничную особую экономическую зону на базе уже существующей (де-юре) российско-монгольской торговой зоны «Алтанбулаг», созданной в конце 90-х годов, но фактически не работающей.

Первым шагом в реализации данного проекта стало подписание 14 января 2010 г. трехстороннего соглашения между руководством Торгово-промышленной палаты (ТПП) Восточной Сибири, мэром г. Эрлянь (КНР) и гендиректором ООО «Идеал групп» (Монголия) о продвижении продукции восточносибирского региона на рынках Монголии и Китая¹⁰.

Политическим ограничителем монгольской политики КНР остается официальный курс Монголии на сохранение сразу трех приоритетов во внешней политике: Российской Федерации, КНР и «третьего соседа» (США, Япония, Южная Корея, ЕС, АСЕАН).

Монголия при поддержке США активно интегрируется в региональные проекты по безопасности и сотрудничеству в АТР. Одновременно, Пекин, учитывая приграничное положение Монголии, ее связи с Центрально-Азиатским регионом не возражает против вступления Улан-Батора в ШОС в качестве постоянного члена.

1 января 2010 г. состоялось открытие зоны свободной торговли «Китай – АСЕАН».

По заявлениям китайских экспертов, после полноценной реализации этой зоны свободной торговли более 7000 видов товаров будут освобождены от взимания таможенных пошлин, что составляет примерно 90% от общего количества товаров в торговле между Китаем и АСЕАН.

Кроме того, ожидается начало реализации торговых соглашений в сфере услуг и инвестиционных соглашений.

Для создания зоны свободной торговли Китай – АСЕАН потребовалось 8 лет. Она охватывает 11 стран, где проживают 1,9 млрд. населения, общий ВВП равен 6 трлн. долл. США.

Это третья по экономической мощи зона свободной торговли в мире после ЕС и зоны свободной торговли Северной Америки.

После заключения «Всестороннего рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве» между Китаем и АСЕАН наблюдается бурное развитие двустороннего экономического сотрудничества.

В 2008 г. торговля между КНР и АСЕАН оценивалась в 231,1 млрд. долл., сумма взаимных инвестиций за этот же период – около 60 млрд. долл. После открытия ЗСТ среднестатистическая таможенная пошлина между Китаем и странами АСЕАН снизилась с 9,8% до 0,1%. В рамках проекта успешно развивается субрегиональный проект сотрудничества в бассейне р. Меконг: КНР, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Мьянма, Вьетнам.

КНР в отношении государств АСЕАН проводит тонкую и взвешенную политику, проявляя большой такт в вопросах внутреннего устройства некоторых недемократических стран ЮВА. Китайское правительство в период азиатского 1997–1998 гг. и нынешнего мирового кризисов не девальвировало юань и не развернуло товарную экспансию в данном регионе. Наоборот, оно предложило финансовую льготную помощь этим странам, что значительно подняло авторитет Китая в их глазах на фоне грабительских «антикризисных» кредитов МВФ и других запад-

ных институтов государствам Юго-Восточной Азии.

Китай подписал также и ряд ключевых региональных документов, связанных с безопасностью и сотрудничеством в Восточной Азии*.

Индийская политика Китая, несмотря на ее региональный характер, несет в себе элементы глобального позиционирования. Так, отвергнутая КНР американская идея G-2 о разделении глобальной ответственности в мире, теоретически может со временем трансформироваться в некий китайско-индийский вариант G-2, по крайней мере, в рамках разделения ответственности в Южной Азии и АТР.

Новым моментом, объединяющим две страны, является также их отношение к ядерному оружию. Индия и Китай, минимально ориентируясь на ядерное сдерживание, делают в основном акцент на развитие передовых, высокотехнологических направлений наращивания военной мощи и методов глобального проецирования силы. Ядерное оружие они рассматривают не столько в качестве средства ведения войны, сколько в качестве вынужденного политического атрибута¹².

Промежуточные итоги региональной индийской политики КНР – выход на уровень стратегического партнерства. В основе этого лежит взаимный экономический интерес, прежде всего, торговля.

Торговля составила в 2008 г. 51,2 млрд. долл., в 2009 г. – 52,3.

13–15 января 2008 г. состоялся визит премьер-министра Индии Манмохана

* Речь идет о подписании КНР и АСЕАН в 2002–2003 гг. «Декларации о правилах поведения в Южно-Китайском море», «Совместной декларации о сотрудничестве в сфере нетрадиционной безопасности», «Рамочного соглашения о комплексном экономическом сотрудничестве», «Меморандума о взаимопонимании в вопросах сельского хозяйства», «Совместной декларации о стратегическом партнерстве ради мира и процветания»¹¹.

Сингха в Китай, подтвердивший новое качество политических и экономических отношений.

В то же время обе стороны признают, что конфликтная основа не исчезла, она просто политически «законсервирована». Однако теоретически угрозу реанимации китайско-индийских противоречий Пекин и Дели не исключают.

Так, в 2009 г. китайский МИД выразил недовольство по поводу посещения премьер-министром Индии М.Сингхом во время избирательной кампании северо-восточного индийского штата Аруначал-Прадеш, который Китай рассматривает в качестве своей территории. Индия ответила протестом на предложение Китая оказать помощь для проекта по гидроэлектроэнергии в контролируемом Пакистаном Кашмире, который Индия рассматривает как свою территорию¹³.

В Пекине не остались незамеченными шаги Индии по сближению с США, Японией, Австралией, имевшие место после заключения Индией соглашения с Вашингтоном по сотрудничеству в ядерной области (октябрь 2008 г.). Критическую реакцию Китая вызывает активизация Индией, как отмечает китайская сторона, военного строительства в районе спорных территорий.

По мнению индийских политологов, новая генерация лидеров КНР 5-го поколения будет меньше обременена памятью о конфликте 1962 г., придавая больше значение трансграничной торговле и формированию новой модели внешнеэкономических связей с возможным участием сопредельных стран («Региональное торговое соглашение»).

Подобный подход, как полагают аналитики в Дели и Пекине, поможет в будущем снять напряжение в китайско-индийских отношениях, способное возникнуть вследствие активного наращивания обеими странами влияния в

стратегическом «подворье» другой стороны (Индия – во Вьетнаме и Сингапуре, Китай – в Мьянме (Бирме), Бангладеш и Шри-Ланке)¹⁴.

Для Пекина **пакистанский вектор** является традиционно приоритетным по сравнению с другими южноазиатскими направлениями. В Исламабаде отношения с Пекином также рассматривают в качестве ведущих, относя Китай к числу ближайших союзников и партнеров, несмотря на союзнические отношения с США.

В апреле 2005 г. между двумя странами был подписан «Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедских отношениях», который зафиксировал важнейшие направления стратегического партнерства двух государств. В документе содержится положение о том, что подписавшие его стороны не могут вступать в союзы или иные объединения, заключать соглашения с третьими странами и предоставлять им свою территорию, если это создает угрозу для одного из них.

Сложилась система двусторонней поддержки по продвижению друг друга в региональные организации.

Так, в 2005 г. при взаимной поддержке Китай получил статус наблюдателя в организации СААРК (Ассоциация стран Южной Азии), а Пакистан в ШОС.

В Исламабаде предпринимаются попытки привлечь Пекин к более активному подключению к делам Южной Азии, что могло бы привести к некоторой корректировке имеющегося на субконтиненте дисбаланса в пользу Индии, а также создать возможности для установления более тесных связей с центральноазиатскими странами. Исламабадская администрация нацелена на прием Китая в СААРК, претендуя на получение полноправного членства в ШОС¹⁵.

Проходят регулярные китайско-пакистанские консультации по вопросам обороны и безопасности.

Военно-воздушные силы страны почти полностью состоят из китайской техники.

Завершена совместная разработка легкого многоцелевого истребителя третьего поколения JF-17 «Гром» («Супер-7»).

Сухопутные войска Пакистана также имеют на вооружении китайскую технику (более 70% танков Т-59, Т-69, Т-85 и 60% артиллерийских орудий).

Продолжается реализация контракта стоимостью 320 млн. долл. на производство с китайской помощью танка «Аль-Халид»¹⁵.

Во время визита президента Пакистана Асифа Али Зардари (2009 г.) в Китай были подписаны соглашения с КНР о помощи в строительстве двух пакистанских АЭС. Учитывая отказ Соединенных Штатов предложить Пакистану сделку в ядерной сфере, аналогичную той, которую они заключили с Индией, данный шаг КНР значительно усилил ее авторитет и влияние в регионе.

Китай рассматривает Пакистан как один из ключевых пунктов реализации своей регионально-экономической программы.

Китайско-пакистанское сотрудничество охватывают химическую промышленность, инжиниринг, поставки железнодорожного подвижного состава, строительство объектов инфраструктуры, автомобильных дорог, портов, мостов, жилых домов и т.д.

Один из ключевых объектов китайских инвестиций – порт Гвадар, в строительство которого Китай на первом этапе инвестировал 2 млрд. долл. (до 2006 г.), а на втором – 600 млн. долл., обеспечивших сооружение 9 морских причалов¹⁶.

Сформированы планы по сооружению так называемой энергетической зоны в Гвадаре, состоящей из нефтяных хранилищ и перерабатывающего завода производительностью 21 млн. т.

Очевидно, что реализация данного проекта даст возможность укрепления долго-

временного стратегического присутствия КНР в этом регионе.

Справочно

Порт Гвадар – первый и пока единственный порт в пакистанской провинции Белуджистан.

Его географическое положение уникально, что и делает его привлекательным как для Китая, Афганистана, так и для стран Центральной Азии и Ближнего и Среднего Востока.

Расположен он в непосредственной близости от входа в Персидский залив на побережье Индийского океана, всего в 18 милях от Дубая.

Строительство порта предусматривает значительное углубление дна, проведение работ по углублению и расширению судоходного канала, глубина которого, по проекту, будет составлять 12,5 м, а ширина – 4,5 км.

Новейшая инфраструктура порта позволит принимать нефтеналивные танкеры водоизмещением свыше 100 тыс. т сырой нефти и многотоннажные торговые суда. Это ставит его вне конкуренции по сравнению с соседними портами (пакистанскими и иранскими) и обеспечивает таким образом в будущем преимущество как торгового порта на пути из Азии в Европу¹⁶.

Объем торговли КНР и Пакистана за 2008 г. – 4,5 млрд. долл., в 2009 г. – 4,9.

Соглашение о создании зоны свободной торговли планируется подписать между двумя странами в 2010 г., по некоторым экспертным оценкам, ЗСТ может способствовать увеличению товарооборота к концу 2011 г. до 8–9 млрд. долл.

В 2006 г. сторонам удалось подписать так называемую программу раннего урожая, в соответствии с которой к 2008 г. таможенные тарифы на более чем тысячу единиц экспортных товаров должны быть постепенно сведены к нулю¹⁵.

Пакистанский вектор будет объективно осложнять китайско-индийский формат отношений. Индия, претендующая на звание крупной региональной державы, заинтересована в минимиза-

ции и купировании влияния китайско-пакистанского фактора в Южной Азии и на Среднем Востоке. Однако вряд ли Исламабад и Пекин пойдут на сокращение своего диалога. Наоборот, стоит ожидать наращивания многоплановых отношений между двумя странами, включая «чувствительные» сферы.

Общий объем осваиваемых китайских инвестиций в странах Центральной Азии, по разным данным, на 2005 г. составлял от 500 млн. долл. до 7 млрд. долл.¹⁷. В 2007 г. он достиг 9 млрд. долл. По текущим оценкам на 2010 г. – около 15.

Освоение китайских инвестиций любого назначения стимулирует товарооборот между КНР и государствами ЦА, а также улучшает некоторые макроэкономические показатели стран региона. Сотрудничество в торговле энергоресурсами с таким стабильным «оптовиком»-импортером, как Китай, способствует устойчивости коммерческих связей государств ЦА на трансрегиональном уровне, а также росту их добывающего комплекса.

Однако фокусировка на сырьевой сфере отвлекает ресурсы от обрабатывающего кластера ЦАР, без которого формирование в регионе сбалансированной экономической структуры крайне проблематично. Поэтому, если ничего не изменится, то лидерство КНР в экономическом диалоге с ЦАР в будущем может обрести рискованный характер.

Китай сегодня является главным борником экономической интеграции в Центральной Азии (ЦА) через ШОС для создания зоны свободной торговли (ЗСТ).

В понимании китайских экспертов, ускорение процесса создания ЗСТ ШОС – это путь преодоления малой эффективности экономических проектов, являющейся «слабым звеном ШОС»²⁰.

Справочно

С 2004 г. знаковым направлением проникновения китайского капитала в ЦА становится экспорт свободных экономических зон (СЭЗ).

В 2004 г. на саммите ШОС в Бишкеке премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао официально выдвинул в качестве задачи ШОС создание зоны свободной торговли (ЗСТ). Его предложение было с остороженностью встречено большинством членов Организации (за исключением Казахстана), поскольку в результате конкуренции с китайскими фирмами уже сейчас с рынка товаров и услуг ЦА вытесняются товары национального производства.

Для центрально-азиатских членов ШОС (и России) создание ЗСТ ШОС чревато закреплением сырьевой направленности их экспорта в Китай, тогда как импорт из КНР представлен в основном продукцией с высокой степенью переработки. В ШОС сложилось понимание некоей преждевременности идеи ЗСТ ввиду большой разницы в уровнях экономического развития шести стран¹⁸.

В итоговом коммюнике прошла формулировка, что государства ШОС сосредоточат основные усилия на постепенном обеспечении условий для: а) ведения торговли и осуществления инвестиций, б) технико-экономического сотрудничества, в) свободного движения товаров, капиталов, услуг и технологий.

В Пекине сочли несомненным успехом одобрение всеми странами ШОС этого курса «трех шагов» (сань бу цзоу)¹⁹.

Китайско-казахстанская модель оспаривается главным приоритетом для Китая в регионе ЦА по развитию двустороннего сотрудничества.

На Казахстан приходится порядка 80% товарооборота между Китаем и всеми центральноазиатскими странами-членами ШОС.

Основные позиции экспорта Казахстана в Китай – это сырьевые ресурсы: энергоносители (нефть, газ) – 63%, черные и цветные металлы (в большой мере в форме металлолома), сталь – 24%.

Взамен Казахстан получает продукцию машиностроения и металлообработки (72%), продовольствие (11%) и другие позиции, в основном – товары широкого потребления, значительную часть которых вполне можно было бы производить в самом Казахстане.

Увеличение идет, в том числе и за счет открывшейся в 2006 г. на китайско-казахстанской границе трансграничной зоны свободной торговли.

В 2008 г. взаимная торговля превысила 14 млрд. долл.

Объем инвестиций Китая в РК, по китайским официальным данным, составил в 2006 г. 1,3 млрд. долл.²¹.

Очевидно, что в отношениях двух стран произошел качественный сдвиг. Китайско-казахстанское сотрудничество стало системным и вышло на сопоставимый с «большими» евразийскими державами (Индией, Россией) уровень.

Китайско-туркменские энергетические отношения во многом определяются открывшимся в декабре 2009 г. новым газопроводом Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай и дальнейшем углублении сотрудничества. Кончина Сапармурада Ниязова (декабрь 2006 г.) и избрание нового руководителя Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова (февраль 2007 г.) внесли некоторые новые акценты в китайско-туркменские отношения.

Пекин был встревожен возможностью политической дестабилизации в Ашхабаде и отхода нового руководителя от традиционного нейтралитета в сторону большего сближения с Западом, что могло бы отрицательно сказаться на сложившихся стабильных отношениях двух стран.

Смена руководства заставила Пекин интенсифицировать подготовку газовых проектов по планируемому импорту туркменского газа. Практиче-

ская реализация проекта газопровода началась в августе 2007 г.

Взаимная торговля КНР и Туркменистана за период 1997-2008 гг. увеличилась почти в 19 раз – с 19 млн. долл. (1997 г.) до 453 млн. долл. (2008 г.).

Основные статьи таджикистанского экспорта в КНР – это энергоносители и продукция нефтехимической промышленности (порядка 85%), хлопковое волокно и иное текстильное сырье, лакричный корень, продукция текстильной и легкой промышленности.

Китай поставляет в РТ продукцию производственно-технического назначения и стройматериалы (порядка 60% туркменского импорта), потребительские товары (более 30%).

В Туркменистане реализуются 37 инвестиционных проектов с участием китайских компаний.

Пока общий объем инвестиций составляет 382,6 млн. долл. и 360 млн. юаней. Эти проекты в основном размещены в сырьевой (нефтегазовой) отрасли (более половины всех проектов), транспортной сфере, телекоммуникационной отрасли, в легкой промышленности и сельском хозяйстве.

На территории страны зарегистрировано 13 предприятий с участием китайского капитала, которые поставляют оборудование и оказывают услуги в нефтегазовом секторе, в сфере транспорта, здравоохранении, оптово-розничной торговле и туризме.

За последние 5 лет объем услуг китайских нефтегазовых компаний и поставок их оборудования составил 293 млн. долл.²².

Непростым испытанием для *китайско-киргизских отношений* стала так называемая «тюльпановая революция» 24–25 марта 2005 г. Китайские эксперты, анализируя ситуацию, высказывали ряд опасений, связанных с китайско-киргизскими отношениями. Часть из них опасалась активизации трансграничного уйгурского сепаратизма, возможности изменения новым руковод-

ством Киргизии отношения к участию в ШОС.

В течение 2005–2008 гг. Китай значительно усилил свое торговое присутствие в стране.

Объем китайско-киргизской торговли вырос с 97 млн. долл. (2005 г.) до 3,7 млрд. долл. (2007 г.)²³.

Причем китайский экспорт в 32,5 раза превышает импорт из Киргизии.

В настоящее время на Китай приходится почти 90% всего внешнего товарооборота республики.

Рост объемов китайско-киргизской торговли отчасти объясняется реализацией Бишкеком в 2005–2006 гг. китайских (льготных) торговых кредитов. Пекин, стремясь наладить отношения с новым руководством страны, увеличил кредитование киргизского импорта.

Создание же трансграничной зоны свободной торговли между КНР и Киргизией еще более ускорило процесс. Стоимость импорта Киргизии из Китая в 32,3 раза превышает стоимость ее экспорта. Поскольку КНР и Киргизия – члены ВТО, то доступ китайских товаров на рынки страны более прост, чем в случае с другими странами ЦА.

Экспорт в Китай включает текстильное сырье (преимущественно кожи и шерсть – около четверти), отходы переработки черных и цветных металлов (порядка 60%).

Ассортимент киргизского импорта состоит из машин и оборудования (около 6%), продовольственных товаров и иных наименований ширпотреба (примерно 85%)²³.

Региональные приоритеты *узбекского направления* политики КНР связаны со сферой как экономики (энергетический сектор Узбекистана), так и безопасности.

Китайско-узбекские отношения после 2005 г. развивались на фоне трагических событий в Андижане. Россия и КНР поддержали действия узбекских властей по подавлению бунта в Андижане, организованного исламским радикальным движением «Акрамия».

Позицию Китая в поддержку И.Каримова эксперты связывали с желанием Пекина ограничить политическое влияние США в Узбекистане, а также с необходимостью оптимизации борьбы с исламским экстремизмом, имеющим, в том числе и узбекские корни и проявляющимся в СУАР КНР.

После вывода американской базы из Ханабада отношения Ташкента и Пекина получили дополнительный импульс. Радикальный шаг президента И.Каримова прямым образом сказался на дальнейшем росте политического доверия и углубления стратегического сотрудничества Пекина и Ташкента на двустороннем уровне. Принципиально важным в связи с этим был официальный визит 21–24 мая 2005 г. президента Узбекистана в Китай. Итогом переговоров стало подписание договора о китайских инвестициях в разработку узбекских нефтяных месторождений; расширение торговли, китайских инвестиций; активизации совместной борьбы против терроризма, экстремизма и сепаратизма как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС.

Китай имеет серьезные экономические интересы в Узбекистане, связанные с нехваткой энергетических источников и продуктов питания для растущего населения. В 90-е годы имидж Китая в Узбекистане был скорее нейтральным. Деятельность Поднебесной больше ассоциировалась с поставками дешевого и некачественного ширпотреба на местные вещевые базары. Крупный бизнес Узбекистана был ориентирован в основном на Запад. Однако в 2005 г. ситуация в этом плане стала быстро меняться: акценты и общая риторика в узбекских СМИ относительно Китая приобрели ярко выраженный позитивный характер, что признают и ведущие американские эксперты по региону²⁴.

Торговля Китая с Узбекистаном достигла 972 млн долл. за 2006 г.²⁴, что значительно ниже казахстанских и киргизских показателей, а в 2007 г. она превысила 1 млрд. долл.

Имеется проект строительства газопровода из Узбекистана в Китай. Для этого компания «Узбекнефтегаз» проводит реконструкцию газопровода Мубарек – Янгиер – Андижан – Ош. Далее, с участием казахских и китайских компаний строится газопровод Ош – Кашгар. Мощность газопровода должна составить не менее 20 млрд. куб. м в год²⁵.

Китай – Таджикистан. В годы гражданской войны в Таджикистане (1993–1997 гг.) Китай, придерживаясь принципов мирного сосуществования и невмешательства во внутренние дела, не встал ни на чью сторону, ограничив-

шись лишь оказанием республике гуманитарной и технической помощи.

Товарооборот двух стран в 2005 г. составил 157 млн. долл., в 2006 г. – 323 млн. долл., в 2007 – 482 млн. долл.²⁶.

Основные статьи экспорта Таджикистана в Китай – это сырье: алюминий, другие цветные и редкоземельные металлы, хлопковое волокно, а импорта из Китая – несложная продукция машиностроения, предметы широкого потребления.

В рамках ШОС Таджикистан получил от Китая льготный кредит в 600 млн. долл., который используется в основном на строительство ЛЭП-500 «Юг-Север» и ЛЭП-220 в Хатлонской области, а также на строительство тоннеля под перевалом Шар-Шар на дороге Душанбе-Куляб. Китай вносит существенный вклад и в поддержку таджикской легкой промышленности – хлопчатобумажного и шелкового производств²⁷.

Таким образом, региональная внешняя политика КНР формируется как под воздействием традиционных факторов и условий китайского позиционирования в мире, как крупного развивающегося государства, так и новых тенденций, связанных с ростом ее экономического и геополитического влияния в рамках китайской идеи «глобальной ответственности».

Китай через региональные механизмы сотрудничества (АТЭС, АСЕАН +1, ШОС, ЗСТ), а также двусторонние форматы, расширяя «пояс добрососедства», практически реализует эту доктрину в сопредельных регионах.

Динамика роста экономического и политического влияния КНР в регионах во многом зависит от приоритетности и значимости их для Пекина. Энергетические, торгово-экономические потребности, а также мотивация в сфере безопасности определяют, в конечном счете, масштаб и логику реализации китайской региональной политики.

Примечания

¹ Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1; *Мэнь Хунхуа*. Гоуцзянь Чжунгодэ да чжаньлюэ дэ куанцзя (Формирование контуров большой стратегии Китая). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2005; *Пэн Пэн*. Хэпин цзюэци лунь – Чжнго чунсу даго чжилу (Концепция мирного возвышения Китая – путь к восстановлению Китая как великой державы). Гуанчжоу, 2005.

² Шицзе чжяую гоцзя цзунхэ голи пингу (Оценка комплексной государственной мощи мировых держав) // Цюаньшю чжаньлюэ дэ гэцзю (Глобальная стратегическая архитектура. Международное окружение Китая в новом веке). Пекин: Шиши чубаньшэ, 2000. С. 3; *Yan Xuetong*. The Rise of China and Its Power Status // Chinese Journal of International Politics. 2006. Vol. 1. P. 5–33.

³ <http://russian.people.com.cn/31521/6890028.html#>

⁴ <http://www.itar-tass.com/>

⁵ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М., 2009. С. 329.

- ⁶ Жэньминь жибао. 12.10.2009.
- ⁷ Жэньминь жибао. 12.10.2009 // <http://russian.people.com.cn>
- ⁸ *Забровская Л.В.* Китай и КНДР: курс на сохранение регионального статус-кво // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 32.
- ⁹ *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Портяков В.Я.* Российско-китайские отношения в 2008 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 6–19; *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток, 2006; *Александрова М.В.* Российско-китайские приграничные экономические отношения. М.: ИДВ РАН, 2005; *Лузянин С.Г.* Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // Второй российско-китайский Форум по общественным наукам.... С. 330–356; Российско-китайское сотрудничество: региональное (сибирско-дальневосточное) измерение (сетевой проект, руководитель Лузянин С.Г.) // <http://www.ino-center.ru/russia-china/>.
- ¹⁰ <http://www.fcinfo.ru/themes/basic/materials-document.asp?folder=3001&matID=235437>
- ¹¹ <http://www.asean.org/13163.htm>; <http://www.asean.org/13185.htm>; <http://www.asean.org/13196.htm>; <http://www.asean.org/13214>; <http://www.asean.org/15271>; <http://www.asean.org/15265>.
- ¹² *Золотарев П.С.* Китай и Индия в глобальном балансе военных сил // <http://www.rusus.ru/print.php?id=126>
- ¹³ <http://www.rodon.org/polit-091023105506>
- ¹⁴ *Володин А.* Китай и Индия: совместное моделирование миросистемы XXI века // <http://www.rodon.org/polit-080122122554>
- ¹⁵ *Силаев А.А.* Взаимоотношения между Пакистаном и Китаем // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/13-04-07b.htm>
- ¹⁶ *Замараева Н.А.* Пакистанский порт Гвадар – ключевой региональный перевалочный пункт // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/10-07-06.htm>
- ¹⁷ *Swanström N.* China and Central Asia: a new Great Game or traditional vassal relations? // Journal of Contemporary China. 2005. No.14 (November). P. 580.
- ¹⁸ *Фроленков В.С.* Коллективное экономическое сотрудничество стран-членов ШОС: начальный этап становления // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С.93–94.
- ¹⁹ *Сюй Тункай.* Чжунго юй Уцзыбэксытань цзинмао цянънзин гуанко (Широкие перспективы китайско-узбекстанского торгово-экономического сотрудничества) // Элосы Чжунъя Дуноу шичан. 2006. № 4. С.2.
- ²⁰ *Лу Гань.* Строительство зоны свободной торговли в рамках ШОС: значение в продвижении китайско-казахстанского сотрудничества // Казахстанско-китайское сотрудничество: состояние и перспективы. Сборник материалов международного «круглого стола». Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан. 26 сентября 2006 г. // <http://www.analitika.org/article.php?story=20070522000720900>
- ²¹ Хайгуань тунцзы (Таможенная статистика). Пекин. 2006. № 12.
- ²² *Фроленков В.С.* Экономический диалог «Китай-Центральная Азия» // Китай в мировой и региональной политике. Вып. XI. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 192, 205–207.
- ²³ *Фроленков В.С.* Современные торгово-экономические отношения...С. 83.
- ²⁴ *Olcott M. Brill.* The Central Asian States: An Overview of Five Years of Independence. Testimony Before Senate Foreign Relations Committee. Federal News Service. 22.07.1997.
- ²⁵ *Верхотуров Д.* Китай оказывает поддержку Киргизии // www.asiainform.ru.
- ²⁶ *Мальшева Д.* Россия – Узбекистан: от партнерства к союзу // <http://www.analitika.org/article.php?story=20051122035816975>.
- ²⁷ *Дубовицкий В.* Таджикистан – Китай: От настороженного отношения к стратегическому партнерству. 25.01.2007. // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=4862>.